

новляющего. Ты же помнишь те годы. У нас в сценарии — «бух»! «трах»! «та-ра-ррах»!!! Про что это и для кого? Солидные критики говорили: «Фильм, конечно, веселый, но надо нагрузить его какой-нибудь важной серьезной идеей».

— А как появился В.Котеночкин?

— Котеночкин появился неожиданно. Прямо из лифта. И сразу сказал: «А что? Ребята! В вашем сценарии что-то есть».

— И что потом?

— Потом. Успенский родил дочь. Приходил на наши встречи усталый, невыспавшийся, с красными от бессонницы глазами. И мы сказали: «Или «Ну, погоди!», или дочь!» Он сделал свой выбор, и нас осталось трое.

— А потом уехал Феликс Камов?

— Да. И он сделал свой выбор.

— И вас осталось двое? Последние серии, по-моему, ты вообще сочинял один?

— Ты в детстве был хороший мальчик?

— Не знаю. Прогуливал часто. У меня было два дневника: один для родителей, другой — для школы. В родительском дневнике я хорошо учился!

— Вот, оказывается, откуда «растут ноги» твоей безудержной фантазии!

— Да все мы родом из детства. И чиновники, и артисты. Ты на себя посмотри. Поди, голубей в детстве гонял?

— Гонял.

— Оно и видно!

— А ты азартный человек?

— Да. Был год ипподрома. Потом год покера.

— Рулетка, казино?

— Боюсь. Очень криминально. Выиграешь миллион — убьют, на меньшее — не согласен. На «Кинотавре» играл. Там было казино для своих.

— Ты за жизнь больше выиграл или проиграл?

— В карты мне не везет, а вот в

«Твардовский спрашивал: Каких?! Каких повестей? Каких романов?!». А вам не надо долго объяснять, каких. Вы — автор «Ну, погоди!»

— Вот мы и совершили круг. Повести, книги, пьесы... И все же — «Ну, погоди!» Это твоя «визитка».

— Порой доходит до смешного. Вышла недавно книга «Тайны кремлевских подземелий». И не было ни одной рецензии, где бы ни говорилось обо мне, как об авторе «Ну, погоди!». «Автор «Ну, погоди!» залез под Кремль». «Жуткие тайны Кремля, рассказанные автором «Ну, погоди!»». И так далее, и тому подобное...

— И все же, будет дальше жить и всех нас радовать «Ну, погоди!», или рубль все-таки окончательно наступит на горло Зайца и сделает то, что не сумел Волк?

— Думаю, что Заяц снова обхитрит Волка из Минфина. И мы еще посмеемся!..

Разговорил гостя
Владимир АЛЬБИНИН.

Александр КУРЛЯНДСКИЙ:

«...МЫ ЕЩЕ ПОСМЕЕМСЯ!»

Труд-7. - 1996. - 6 сент. - с. 17.

— Первого апреля исполнилось ровно двадцать лет с той поры, как нас в Одессе на Юмюрине познакомил Жванецкий. Дает ли это нам право говорить друг другу ты?

— Пусть будет все как в жизни.

— Тогда скажи, можно разделить судьбу Курляндского на до и после «Ну, погоди!»?

— Если учесть еще и третий период — время создания самого фильма, то да, можно...

— Что было до?

— Успенский привел нас с Хайтом на студию «Союзмультфильм». Были тогда две примерно равные пары эстрадных авторов Камов — Успенский и Курляндский — Хайт.

— Я помню эти имена еще по «Радионяне», «Веселому спутнику», «С добрым утром!», Клубу «12 стульев»...

— Вместе мы писали для популярных тогда эстрадных актеров А.Лифшица и А.Левенбука. И как-то незаметно стали делать «Ну, погоди!».

— А подробнее?

— Мы были молодые, веселые и, наверное, талантливые. Вот нас и пригласили на «Союзмультфильм» придумать что-нибудь веселенькое.

— И появился сериал «Ну, погоди!»?

— Да. Но сначала как коротенькие сюжетки в журнале «Веселая карусель». И делал их совсем другой режиссер. Только после успеха этих сюжетиков нам доверили подготовку сценария большого десятиминутного фильма. На радостях мы написали сразу три. И долго-долго не могли найти режиссера.

— Чем мотивировали? — спросу словами героя популярного грузинского анекдота.

— Мотивировали недостатком умного, вечного, глубокого, настоящего, подлинного, зовущего, вдох-

Имя Александра Курляндского, мне кажется, не требует особых пояснений.

При этом сразу и с улыбкой вспоминаешь серии «Ну, погоди!», «Великолепного Гошу» и трогательного попугая Кешу, который то улетает, то возвращается.

Но у писателя есть немало и других достоинств. Сегодня Александр Курляндский наш гость.

— Семнадцатую и восемнадцатую. Хайт отказался. У него появились какие-то свои проекты.

— И он сделал свой выбор. Только ты сохранил верность «Ну, погоди!». А будут еще серии?

— Будут деньги — будут и новые серии. После встречи с тобой еду к Вячеславу Котеночкину обсуждать наши проблемы. Есть идея сделать «Ну, погоди!» к 850-летию Москвы. Представляешь? Волк гонится за Зайцем, попадают они в раскопки под Манежной площадью, а выныривают уже в Москве Ивана Грозного... или во времена Юрия Долгорукого... или в сталинские времена... Рушится Храм Христа-спасителя... И вот он уже снова стоит... Добудем деньги, сам все увидишь.

— Вернемся все же к истории. Как вы сочиняли «Ну, погоди!»? Сами смеялись?

— Еще как! Жутко орали, бросали друг в друга стулья. Хохотали. Изображали Волка и Зайца. На нас косились соседи. Что там за стеной происходит? Вроде нормальные ребята. Ничем от них не пахнет. Ни портвейном, ни одеколоном. А потом уважительно стали говорить: «Там делают «Ну, погоди!»...»

рулетку — да! Все, что проиграл в карты, почти отыграл.

— А еще что ты любишь? Водка, коньяк, ну, сам понимаешь?

— Не будь ханжой, ты все про меня знаешь...

— Я блюду интересы читателей. А они, например, спрашивают: «Где и как живет автор нашего «Ну, погоди!»?

— Живу в легендарном подъезде писательского дома. Здесь жили Ф.Камов, В.Аксенов, А.Герман. А в моей маленькой двухкомнатной квартирке жил в молодости Михалков-Кончаловский с первой женой, Аринбасаровой. Жил здесь, в подъезде, и знаменитый критик Владимир Лакшин. Но знакомы мы не были. Я его любил еще по «Новому миру». Но стеснялся подойти. И вот — юбилей «Ну, погоди!» в Доме кино... Я решил воспользоваться случаем. Настроение у всех приподнятое, банкет. «Извините, говорю... Мы соседи. Ваш поклонник. Все стеснялся подойти...» Лакшин расхохотался: «Что вы, дорогой. И напрасно стеснялись. Иногда к Твардовскому подходил какой-нибудь никому не известный напыщенный писатель и говорил: «Вот моя рукопись. Я автор многих повестей, романов...»

24/8